ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ БУРЯТ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению фольклорных включений в письменных памятниках бурят на монгольском письме. Исторические сочинения занимают важное место в вербальной культуре бурят, в них получили подробное освещение история, традиции, обычаи, верования, культура, система управления бурят дореволюционной эпохи. В них отражены элементы фольклорных традиций бурят (шаманские призывания, народные песни, легенды, мифы, предания) и другие тексты культурного кода бурят. Данные памятники, созданные на соединении традиций монгольских летописей и русской исторической науки, с элементами бурятского фольклора, этнографии, документов степных дум, воспоминаний очевидцев, собственных наблюдений авторов, представляют собой мощный заряд культурной памяти бурятского народа. Смена письменности в последующие годы привела к полному забвению, как авторов, так и самих памятников. Между тем, эти письменные источники, являясь отражением языковой картины монгольского мира, представляют большой интерес для историков, филологов, культурологов.

Ключевые слова: бурятские летописи, монгольское письмо, исторические песни, народные песни о «Наян-Наба», предания хори-бурят.

Larisa B. Badmaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS

Ulan-Ude, Russia

THE FOLKLORE ELEMENTS IN THE TEXTS OF THE BURYAT CHRONICLES

Abstract. The article is devoted to the consideration of folklore inclusions in written monuments of the Buryats in Old Mongolian Script. Historical chronicles occupy an important place in the verbal culture of the Buryats; they provide detailed coverage of the history, traditions, customs, beliefs, culture and the system of government of the Buryats of the pre-revolutionary period. They reflect elements of Buryat folklore traditions (shaman's invocations, folk songs, legends, myths, narratives) and other texts of the Buryat cultural code. These monuments, created by combining the traditions of Mongolian chronicles and Russian historical science, with elements of Buryat folklore, ethnography, documents of steppe dumas, eyewitness memories, authors' own observations, represent a powerful charge of the cultural memory of the Buryats. The change in writing in subsequent years led to the complete oblivion of both the authors and the monuments themselves. Meanwhile, these written sources, being a reflection of the linguistic picture of the Mongolian world, are of great interest to historians, philologists and culturologists.

Keywords: buryat chronicles, the Old Mongolian Script, historical songs, folk songs about "Nayan-Naba", narratives of khori-buryat.

Бурятские хроники, являясь составной частью культурного наследия бурят, отражают многие стороны их общественной жизни. В эпоху тоталитарного режима памятники историографии Бурятии XVII—XIX вв., как и все литературное наследие бурят на старомонгольской письменности, долгое время находились в забвении, отодвинутые на задний план, более того, многие ценные памятники были варварски уничтожены.

Между тем они являются не только важными источниками исторической информации, но и ценными источниками устного народного творчества бурят, их фольклорных традиций. В бурятских летописях наблюдаются вкрапления фольклорных жанров: народные песни о мифической прародине бурят «Наян наба», о героическом предводителе хори-бурят Шилдэй-занги, не пожелавшем оставаться на чужой стороне после установления русско-маньчжурской границы по Буринскому договору 1727 г. [АО 1920: 3; 4], предание о шаманке Асуйхан [Шагдаров, Бадмаева 2014: 182], легенда о происхождении народа одиннадцати хоринских родов [Бадмаева 2007: 292-293], предание о княгине Бальжин-хатун [Позднеев 1900; Бадмаева, Очирова 2018: 237], легенда об образовании озера Байкал [Указ соч. 2018: 234] и т.д.

Образные выражения из шаманской мифологии приведены в «Летописи хоринских бурят» (1875 г.) Вандана Юмсунова:

časuta čayan ayula nituy-tai,
čayan arsulan külge-tei,
čayan mönggün tuluyur-tai,
čay-i čayan ebügen [Бадмаева 2007: 132].

Этот поэтический фрагмент, описывающий образ одного из персонажей буддийской мистерии «Цам» — *Сагаан Ыбгэн* 'Белого Старца', в переложении на современный бурятский язык звучит так: "Баруун урда зүгтэ Саһата Сагаан уула нютагтай, сагаан арсалан хүлгэтэй, сагаан мүнгэн тулууртай Сагай сагаан үбгэн" — 'Живущий на юго-западе, на белой снежной горе, едущий на белом льве, имеющий белый серебряный посох, Белый старец Времени'.

Божество Белый старец является наиболее популярным объектом поклонения и почитания, адресатом различных просьб и молитв почти всех народов Центральной Азии. В монгольской культуре персонаж Белого Старца встречается во всех видах искусства: живописи, иконографии, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве, театре, мистерии «Цам», а также в их вербальной культуре — сказочном фольклоре и мифах. Белый Старец считается покровителем долголетия, богатства, счастья, семейного благополучия, продолжения рода; повелителем людей, домашних животных, диких зверей, владыкой гениев земли, воды и гор. Интерес вызывает выражение «*čayan arsulan külge-tei*» — 'едущий на белом льве', в котором употреблено архаичное слово *külge(n)* 'подвода, способ передвижения'. В традиционной бурятской иконографии Сагаан Ыбгэн не изображается едущим на белом льве, а представляется сидящим с посохом под персиковым деревом. Возможно, это описание образа Белого Старца из добуддийского языческого пантеона божеств.

Анонимный автор исторического сочинения «*Qori buriyad tuqai Ačayad-tu bičigdegsen tobči teüke*» — 'Краткая история о хори-бурятах, написанная в Ацагате' (1920 г.), далее: «Ацагатский очерк», использовал в тексте элементы из шаманских призываний хори-бурят:

Erte urida-ača qoyisi
qung sibayun — yarbul minu,
qusun modun — čerge manu,
Budun qatun — eke manu,
Alung yuv-a — egeči manu,

Oyiquñ Kilemen — nutuy manu, kemen qung sibayun-u erüke degegür yarqui-dur aldad ügei süü saculi sacugay jirum edüge kürtel-e örgöljilegseger amui:[АО: 3v].

Данный фрагмент в переложении на современный бурятский язык:

Хун шубуун — гарбал минии,
Хуһан модон — сэргэ манай,
Будан-хатан — эхэ манай,
Алан-гуа — эгэшэ манай,
Ойхон Хилмэн — нютаг манай,

— гэжэ хун шубуунай үрхэ дээгүүр гарахада, алдангүй һү сасали сасадаг журам мүнөө хүрэтэр үргэлжэлһөөр байна» [Очирова 2001: 104].

– 'С древнейших времен и до сей поры продолжается традиция непременно брызгать молоком вслед лебедям, когда они пролетают над дымоходом юрты, со словами: «Лебедь — происхождение мое, береза — коновязь наша, Будан-хатун — мать наша, Алан-гуа — сестра наша, Ольхон Осетринный (нос) — родина наша' (здесь и далее перевод наш — Бадмаева Л.Б., Жамсоев А.Д.).

Имя Будан-хатун, в других текстах — Хобоши-хатун, связывается с образом мифической праматери хори-бурят, восходящей к небесной деве-лебеди. И до настоящего времени у бурят существует строжайший запрет на убийство птиц лебедей. Упомянутые здесь топонимы Ольхон и Осетринный [нос] являются местами раннего расселения хори-бурят. Ольхон (*Oyiquñ*) — большой остров, который делит Байкал на Большое море и Малое море. В настоящее время полуостров *Хилмэн хушуун* 'Осетринный нос' называется Святой Нос. Раньше Святой нос был островом.

Этот фрагмент является замечательным образчиком компрессии текста, умений бурятских летописцев свертывать и трансформировать информацию. Автору в одном предложении удалось описать историю происхождения, объекты почитания, верования, генетические связи и места расселения хори-бурят.

Далее автор «Ацагатского очерка» повествует о происхождении хоринских бурят: “*Qori mergen inu qoyar gergei-tei 1-düger inu Siraldai kemekü-eče Galjud, Quvačai, Kübdüd, Sirayid, Gučid, tabun. Qoyarduyar gergei inu Nayadai kemekü-eče Qaryana, Qudai, Bodungyud, Batanai, Čayan, Qaliban, qamtu 11 Qayital Congqud qoyar-luy=a arban yurban köbegüd böged, segül-ün qoyar-un inu tümed-tü üldegseñ kememüi. Sayin ese medegdemüi*” [АО: 10 v] — ‘У Хори-мэргэна было две жены, первая Шаралдай, от которой появились пять сыновей: Галзут, Хуасай, Хубдуд, Шарайт, Гучит, а от второй жены Нагадай: Харгана, Худай, Бодонгут, Батанай, Цаган, Хальбин, всего 11 сыновей или 13 сыновей, если считать Хайтала и Цонгота, которые остались у тумэтов. Но это достоверно не известно’. Легенда, сюжетно связанная с преданием о матери-лебеди, широко бытует в фольклорно-мифологических текстах хори-бурят, в их письменных памятниках. Новым фактом является упоминание еще о двух братьях Хайтале и Цонготе, оставшихся на исконной земле у тумэтов. Этот факт отмечен и в летописи Ш.-Н. Хобитуева, а имена братьев указаны как Хайтал и Цэгэнут [Бадмаева, Очирова 2018: 236].

Кроме того, в «Ацагатском очерке» приведен вариант старинной песни о мифической прародине хори-бурят «Наян-Наба»:

Umar=a жүг bariju yabuqui jaγur=a jalayu sayin erečüd iderkejü
 Nayan naba nayalaya=a,
 Nayan naba minii küü,
 Bayidan bayidan bayidala,
 Bayidal yaγ=a minii küü,
 Jayan jaγ=a jayalai,
 jayan (naba) yaγ=a minii küü,

Kemen eremkeyilen dayulaldaju ang görügesü abalaji aba qayiday kijü amin qoyul tejigejü arki miq=a idijü adayusun mal-iyān öskejü Nayan naba-yin jiryal-tai negün negügseger ... yabubai [АО: 15 v].

Старомонгольский текст в переложении на современный бурятский язык: «Умара зүг барижа ябаха зуураа залуу хайн эрэнүүд эдирхэжэ:

«Наян набаа наялай,
 Наян набаа минии хөө.
 Байдан байдан байдалаа,
 Байдал яагаа минии хөө,
 Заян заяа заялай,
 Заян набаа (яагаа) минии хөө,

– гэжэ эрэмхэйлэн дуулалдажа, ан гүрөөнэ абалажа, аба хайдаг хэжэ, амин хоолоо тэжээжэ, архи мяха эдижэ, адууна малаа үдхэжэ, Наян-Набаагай жаргалтай нүүдэл нүүнээр ябаба» [Очирова 2001: 107-108].

– ‘...продолжая двигаться по направлению на север, в дороге молодые, мужественные, лучшие воины пели:

Наян наба наялай,
 Наян наба минии хо.
 Байдан байдан байдала,
 Байдал яга минии хо,
 Заян заяа заялай,
 Заян наба (яга) минии хо.

Вот такие песни пели доблестные воины. Во время похода устраивали облавные охоты на диких зверей, чтобы добыть еду на пропитание, ели мясо, пили вино, разводили скот, продолжая славные традиции счастливого времени Наян Набы’.

Вместе с тем следует отметить, что подобных примеров в летописных текстах немного, т.к. они относятся к описательно-повествовательному типу речи, а им присущ реалистически-очерковый стиль. Все это свидетельствует о том, что в бурятских летописных текстах сконцентрирована историческая память народа. Бурятские летописные тексты, сохранившие архаичные формы монгольской летописной традиции и вобравшие новые формы традиции русской исторической науки, содержат мощный заряд национальной памяти о своей истории и культуре. В них получили подробное освещение история, традиционная культура, верования, отражены фольклорные жанры

(шаманские призывания, народные песни, легенды, мифы, предания) и другие тексты культурного кода бурят.

Литература

Бадмаева Л. Б. Летопись Вандана Юмсунова — памятник письменной культуры бурят XIX в. Улан-Удэ, 2007. 396 с.

Бадмаева Л. Б. Летопись Ш.-Н. Хобитуева как памятник письменной культуры бурят / Л. Б. Бадмаева, Г. Н. Очирова. Улан-Удэ, 2018. 288 с.

Жамсоев А. Д. «Ацгадын товч түүх» дэх Шилдэй зангийн дууны гар бичмэлийн тухай // Монгол бичгийн сурвалж судлал: Сб. тез. междунар. науч. конф. Улан-Батор, 2015. С. 22-23.

Жамсоев А. Д. Отражение разговорного языка в «Песне Шилдэй занги» в тексте «Ацагатского очерка о хори-бурятах» // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ, 2017. С. 10-19.

Очирова Г. Н. Хори буряадууд тухай Асагата бэшэгдэхэн тобшо түүхэ // Морин хуур. № 5-6 (13-14). Улан-Удэ, 2001. Х. 102-124.

Позднеев А. М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.

Шагдаров Л. Д. Язык и стиль селенгинской летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» / Л. Д. Шагдаров, Л. Б. Бадмаева. Улан-Удэ, 2014. 216 с.

Qori buriyad tuqai Aṣaṣad-tu biṣigdegsen tobṣi teṭke (‘Ацагатский очерк о хори-бурятах’ (АО). ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 485, оп. 1, д. 13. Рукопись.